

УДК 316.334.3:316.653-049.2

ЛИЧНОЕ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ»

Лукьянова Наталия Александровна,
lukianova@tpu.ru

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 30

Лукьянова Наталия Александровна, доктор философских наук, заведующий кафедрой – руководитель отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

*В статье политическое благополучие представлено как рационально-эмоциональный концепт политической культуры, конструирование которого затрагивает все сферы общественной жизни и происходит в плоскости человеческих отношений, связанных с предпосылками политической конкуренции и стабильностью власти. Автором подчеркивается значимость изучения данного концепта в связи цифровизацией общества, влияющей на социально-политические институты. **Актуальность** исследования обусловлена ситуацией, в которой новая идеология формируется цифровым поколением, но конфигурацией политических пространств занимается поколение «до цифры». Такое условие рождает противоречие между личным и общественным благом в дуальном концепте «политическое благополучие». **Цель** – выявить степень преобладания личного или общественного в конструировании концепта «политическое благополучие» в условиях цифровизации общества. **Методы:** синтез и теоретическое обобщение. В статье последовательно анализируются идеи ученых о содержании концепта «благополучие» в целом (от идеи индивидуального блага к теории объективного списка) и концепта «политическое благополучие» в частности. Обосновывается тезис о том, что личное и общественное в концепте «политическое благополучие» есть дополнительные, но также и взаимоисключающие понятия. Для понимания целостности концепта «политическое благополучие» необходимо изучить эти категории во взаимосвязи. Демонстрируются последствия влияния цифровых технологий на противопоставление личного и общественного в содержании концепта «политическое благополучие». **Результаты.** Доказывается, что цифровые коммуникации выводят на первое место феномен визуального образа общественного блага при формировании личного благополучия, который достраивается воображением и приобретает эмоционально-личностную (иррациональную и даже мифологическую) окраску. Автор приходит к выводу о доминировании визуального образа общественного блага в дуальности концепта «политическое благополучие», что создает ситуации краткосрочной лояльности и меньшей стабильности в политической социализации.*

Ключевые слова: политическое благополучие, цифровое общество, общественное благополучие, личное благополучие, политический миф, цифровые коммуникации.

Введение

Для цифрового общества характерна беспрецедентная скорость и агрессивность технологий идеологического манипулирования. Институциональная и ценностная системы государства подвергаются воздействию средствами киберкоммуникации и киберинформации. В фейковых новостях, откровенных фальсификациях акцентуируется проблема негативных сценариев в решении ряда политических проблем. В такой постановке вопроса выявление условий формирования концепта «политическое благополучие»

является важным элементом в планировании и прогнозировании сценариев развития страны. В силу сложной ситуации, возникшей при смене парадигм в геополитическом противостоянии, исследование механизмов формирования такого неоднозначного концепта, как «политическое благополучие», должно стать предметом внимания различных институтов гражданского общества.

Первый вопрос связан обоснованием того, возможно ли говорить одновременно о понятиях «политическое» и «благополучие»? Будет ли оправданным говорить о политике с точки зрения блага и благополучия?

Подчеркнем, что концепт «благополучие» есть субъективный конструкт, вбирающий социальную, политическую, психологическую, экономическую, культурную и прочие составляющие, что объясняет методологический плюрализм в его изучении. Кроме того, важно указать на корректность использования понятия «концепт» в отношении слова «благополучие». В исследовании будем придерживаться определения, данного С.С. Неретиной: «Концепт завершает концептуализацию и зачинает новое движение в усилиях человека по рационально-эмоциональному постижению мира вообще и политики в частности» [1, с. 7]. Однако, апеллируя к этому определению, можно утверждать, что данный концепт имеет право на существование как объект социального измерения, равно как субъективное экономическое благополучие [2]. Ряд исследователей рассматривают благополучие как один из компонентов качества жизни, который имеет отношение к субъективной оценке жизни людей [3]. В этой связи мы можем говорить о политическом благополучии как результате социальной удовлетворенности субъекта системой политической организации общества. Политическое благополучие тем самым – это объект социально-политического измерения. Однако дискурсивность собственно категории «благополучие» задает несколько векторов измерений. Используются различные определения: от «качества жизни», «счастья», «удовлетворенности жизнью» до «процветания». Введение политического контекста заставляет нас искать отличия социального от политического. «Чувство социального благополучия может выражаться на индивидуальном уровне, иметь индивидуальный характер. Напротив, политическое благополучие всегда носит групповой характер, т. к. формируется противоборствующими конкурентами в процессе реализации социально значимых интересов» [4, с. 886]. Именно такой признак политического благополучия, как его групповой характер, является весьма неоднозначным, что дает нам основание сформулировать проблему данной статьи. С одной стороны, политическое благополучие рассматривается как объект общественного блага, с другой – личные переживания человека относительно политических событий играют значительную роль в его жизни.

Обращаясь к классическим работам, отметим несколько ключевых моментов, важных для настоящего исследования. У Аристотеля в «Никомаховой этике» под благоденствием и благополучием понимается счастливая жизнь, а человека он называет существом «полисным», т. е. общественным. Однако подчеркивается субъективный характер оценки счастья: заболев, люди видят счастье в здоровье, впав в нужду – в богатстве [1]. Благо, в «Государстве» Платона также носит субъективный характер. Для Мишеля де Монтеня благо зависит от субъективного представления: «и довольство и бедность зависят от представления, которое мы имеем о них; сходным образом и богатство, равно как и слава или здоровье, прекрасны и привлекательны лишь настолько, насколько таковыми находят их те, кто пользуется ими. Каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам по этому поводу думает» [5, с. 64]. Другими словами, благополучие рассматривается как индивидуальная, субъективная категория. Действительно, мы можем говорить о благополучии в целом, принимая во внимание

преимущественно личностный характер его оценки, что подтверждается следующим тезисом: «...Выступая против Аристотелева принципа, что человек – полисное существо, Гоббс доказывает, что человек по природе существо не общественное. В обществе он ищет не друзей, а осуществление собственных интересов в войне всех против всех, хотя задача государства – всех умиротворить» [1, с. 73].

Итак, рассматривая концепт «благополучие» с точки зрения политического дискурса, мы чаще всего связываем его с категорией общественного блага. Вопросы о смысле жизни, истине, счастье и благополучии, всего того, что приводит к общему благу. Таким образом, благополучие отдельного человека, включая оценку качества жизни, рассматривается как один из компонентов общественного блага [3]. Действительно, апеллируя к политическому дискурсу, мы неизбежно говорим об общественном, но, обращаясь к категории «благополучие», мы сталкиваемся со множеством условий субъективного характера, когда общественное рассматривается через призму личного блага.

Гипотеза настоящего исследования может быть сформулирована в следующем тезисе: политическое благополучие как объект социально-политического измерения включает дуальный концепт личного и общественного в их противоречии.

Цель статьи – раскрыть степень доминирования личного или общественного блага в конструировании концепта «политическое благополучие» в условиях цифровых трансформаций современного общества. С нашей точки зрения цифровые трансформации политических институтов меняют условия формирования концепта «благополучие» (без прилагательного «политическое»). Например, мы наблюдаем ситуацию, когда доступ в Интернет становится одним из условий благополучия.

Благополучие: от идеи индивидуального блага к теории объективного списка

Подтверждение тезису о взаимопроникновении и одновременно взаимоисключении личного блага и идей общего благоденствия мы находим в работах Д. Дидро. По его словам, благополучие одной категории людей зависит от счастья и блага других. Добродетельность будет признана при условии, если все его стремления и «аффекты» идут на общее благо его рода, частью которого он является [6]. Общее благо важнее частного, к нему и должен стремиться человек. В работах Г. Гегеля мы также находим подтверждение о большей роли общественного блага при формировании личного благополучия: «Ощущение блага как соответствие внешнего нашему внутреннему мы называем также удовольствие. Благоденствие представляет собой не единичное удовольствие, а продолжительное состояние отчасти самого действительного удовольствия» [7, с. 34]. И. Бентам подчёркивает, что благополучие одних зависит от счастья других и включает распределённое благо между «Я» и «Мы». В рамках теории наибольшего счастья, предложенной Д.С. Миллем, речь идет о себялюбии людей. Р. Краут утверждал, что «личное благо» способствует развитию «общественного блага» [8]. Таким образом объективная теория благополучия связывается с понятием «общественного блага». Индивидуальное благополучие ограничивается общественным.

Итак, личное и общественное благо всегда будут дополнять друг друга, что мы видим также в работах исследователей XX в., в частности в теории объективного списка (object list theory) (Д. Парфит, Д. Гриффин, М. Нуссбаум). Обосновывается тезис о том, объективные обстоятельства приводят к личному благополучию. Список благ, к которым стремится человек, объективен потому, что пункты в списке увеличивают ценность жизни независимо от личных отношений, предпочтений или интересов. Таких списков было разработано несколько. Д. Парфит предложил рассматривать благополучие как великодушие и благородство, а также рациональную деятельность, развитие

способностей, детей, знание и понимание истинной красоты [9]. Д. Гриффин включает достижения, ценности человеческого существования (автономия, способности, свобода), понимание, удовольствие и глубокие личные отношения [10]. Подчеркнем, что в различных своих вариантах теория объективного списка подчеркивает ценности «существа единичного», присущие более «существу общественному».

Человек информационной эпохи в политике: «существо единичное» vs «существо общественное»

Рубеж XX–XXI вв. обнаружил беспрецедентный рост политического влияния средств массовой информации. Революция средств связи, взрывной рост технологий (масштаб спутниковой связи, кабельного телевидения и радио) привели к тому, что коммуникационные технологии стали не столько средством связи, сколько способами создания новых смыслов. Средства массовой информации стали именоваться «четвертой» властью, которая способна создавать новые способы управления сознанием человека. Например, «виртуальная» реальность создает ощущение реальности и становится инструментом политической дезинформации. Как отмечают авторы книги «Цифровая демократия, социальные сети и дезинформация», цифровая дезинформация должна быть идентифицирована как многогранная проблема, которая требует нескольких подходов к решению [11]. Политическое поведение личности оказалось зависимым от проявлений активности массмедиа [12]. Немаловажным стало условие селективности восприятия информации, поскольку в диаде «существо единичное» – «существо общественное» на первом месте все же мы обнаруживаем первое. Об этом еще в 1940 г. писал П. Лазарсфельд после опроса 600 респондентов: «...обнаружено, что люди действуют очень избирательно и в своем большинстве уделяют внимание только тем материалам, которые подтверждают их исходные взгляды. Республиканцы слушали республиканскую пропаганду, а демократы – демократическую. Исследование вновь и вновь свидетельствовало: люди голосуют группами, люди, принадлежащие одной церкви, семье или социальному объединению, голосуют одинаково» [13, с. 320].

Рассматривая условия формирования концепта «политическое благополучие» важно учитывать, что информация в медиасфере генерируется, транслируется и воспринимается в условиях поиска собственной идентичности в многообразии выборов. Как отмечает Е.О. Труфанова, ссылаясь на исследования Р.Дж. Лифтона, «...современный человек <...> вынужден постоянно изменяться, его идентичность просто не может больше оставаться стабильной» [14, с. 16]. Поиск новой идентичности происходит в векторе общественного блага. Такую позицию можно вслед за Р.Дж. Лифтоном обозначить как поиск устойчивости в диаде: «единичное» – как субъективное ощущение во взаимосвязи с субъективным состоянием, которое весьма переменчиво, но вполне рационально, и «общественное» – как переживание совокупности объективных обстоятельств, обусловленных системой властных отношений и институтов власти. Однако рациональность таких переживаний часто оказывается под вопросом. Возможно говорить о том, что общественное благо в дискурсе политического есть по своему характеру более иррациональное (может быть, эмоциональное, о чем упоминает С.С. Неретина), чем рациональное. Рациональность переживаний «политического благополучия» заключается в том, что коммуникативные практики конструирования концепта нацелены на рациональное осмысление реальности посредством обращения к эмпирическим фактам и доказательствам при определении смысловой ясности относительно фактов действительности. Однако смысловая ясность часто скрывается за красивой картинкой, преобладающими инструментами агрессивных информационных

технологий. По словам В.Н. Поруса, «...рациональность – это то, что возникает в коммуникации, а не предшествует ей, т. е. является продуктом сознательного выбора коммуникантов» [15, с. 20], одновременно «иррациональность коммуникативных практик проявляется в том, что они нацелены на внушение устойчивых смыслов посредством инценирования визуальных эффектов при обращении к иррациональности сознания человека» [16, с. 77]. Эмоциональная составляющая в восприятии политических событий становится одним из ключевых факторов, влияющих на субъективную оценку благополучия. Как отмечает Н.Г. Щербинина, «феномен визуального образа принадлежит пространству политико-культурных феноменов. Сегодня уже очевидно, что визуальный образ не отражает объективную действительность, но символически конструирует политический мир <...> реальность конструируется и, в сущности, создается мир воображаемого. Сквозь призму такого воображаемого образа мы и смотрим на мир, в том числе мир политики» [17, с. 6].

Итак, в современной реальности, когда информация становится не только основой для коммуникативных процессов, но и оказывает влияние на все сферы жизни общества, необходимо учитывать, что конструирование концепта «политическое благополучие» происходит как в рациональных человеческих отношениях, так в сфере эмоциональных (и как следствие, не всегда рациональных) дискурсов. Взаимосвязь между эмоциями и рациональными дискурсивными практиками при конструировании данного понятия очевидна, она же, одновременно, диалектична. Поток информации создает и предлагает наполнение концепта «политическое благополучие» в дополнении единичного к общественному и наоборот – применительно к субъекту (от общественного к единичному). Д. Рисмен в своей книге «Одинокая толпа» подчеркивал двойственную природу человека «политического», отмечая, что потребительское поведение также выступает основой для выстраивания отношения к политическим событиям [18]. Итак, личное благо – общественное благо выступают как две стороны одного концепта «политическое благополучие» и как результат рационально-эмоционального дискурса, репрезентируемого в массовой культуре. В идеологическом понимании это основы идей и практик, которые защищают status quo и активно продвигают ценности и интересы основных групп в обществе [19].

Итак, извлекая наши представления из собственного опыта и исходя из них, мы формируем картины благополучия в целом, и политического благополучия в частности. Но начинаем мы всегда с субъективного благополучия как состояния физического, психического и социального благополучия. В таком контексте политическое благополучие может рассматриваться, с одной стороны, как измерение совокупности объективных обстоятельств, обусловленных системой властных отношений и институтов власти, с другой – как субъективное ощущение во взаимосвязи с субъективным состоянием, которое весьма переменчиво.

В современной ситуации информационного шума средства массовой информации обесценивают приватную жизнь человека, выставляя напоказ жизнь «звезд» и активно приглашая «простых людей» стать «звездами» в различных реалити-шоу. Возникает феномен «наедине со всеми». В работе «Политические концепты культуры» отмечается, что «...любой школьник четко произнесет, что частное – это то, что касается лично тебя, а общественное – что многих. В его понимании, однако, также произошла вроде бы неприметная подвижка: очевидно, что общественное противоположно частному, но оно разошлось и с пониманием публичного, под которым нынче понимается частый показ себя на людях (участие в ток-шоу, в передачах по радио или TV на заданные темы и пр.), т. е. публичным (в переводе – общественным) стало казание личного»

[1, с. 226]. Политические события получают статус кажущихся, поскольку создают плотную сеть новых смыслов. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «Конфликтуализация событий, заполнявших раньше газетные хроники, обретает новый смысл; в происшествиях кристаллизуются новые формы политики, которые в значительной степени возникают благодаря массмедиа. Эти различные факты являются “символическими действиями”, но не независимыми, а возвращенными в русло политической значимости» [20, с. 204]. Приведенные выше примеры демонстрируют, как цифровые коммуникации «выводят» на первое место общественное благо и субъекта общественного, но действия этого субъекта воспринимаются в контексте иррациональных (эмоциональных) коммуникативных практик как глубоко личное и самостоятельно решение. В этом мы видим влияние цифровых трансформаций на конструирование концепта «политическое благополучие». В экспансии социальных сетей политические новости «сливаются» в общий шум с иной информацией, можно сказать, что они приобретают признаки мифа, что связано с преобладанием визуальных эффектов. Создается новая мифология как средство найти свою линию поведения в условиях, когда механизмы социальной действительности в принципе известны, но за плотной сетью коммуникаций или в силу других факторов скрыты от человека. В результате человеку предлагаются различные варианты «общественных благ». Однако и здесь мы сталкиваемся с парадоксом: общественные блага в контексте информационно-коммуникационных технологий репрезентируются как личные. В этом кроется специфика формирования концепта «политическое благополучие» в цифровом обществе.

Таким образом, трансперсональность становится одним из важных признаков современного политического пространства, что подтверждает предлагаемую гипотезу о преобладании «общественного» в концепте «политическое благополучие», репрезентируемого в цифровом пространстве. Без сомнения, присутствует «...зависимость коммуникативных практик власти от прозрачности намерений и действий коллективных субъектов, особенностей коллективного бессознательного, выражающегося в неосознанном (или полуосознанном) стремлении быть вместе ради воплощения общезначимой идеи или реализации социального проекта» [21, с. 111].

Формирование концепта «политическое благополучие» происходит, с одной стороны, в субъективном ощущении благополучия во взаимосвязи с субъективным состоянием, с другой – с предлагаемой совокупностью объективных обстоятельств, обусловленных системой властных отношений и институтов власти. Эмоциональность общественного становится новацией в описании концепта «политическое благополучие». Если традиционный политический язык использовал аргументацию, опирался на научные теории, то современный стиль коммуникативности делает ставку не на аргументы, а на эффекты и эмоции, сыгранную искренность личной причастности. Именно этот процесс является наиболее уязвимой областью в конструировании концепта «политическое благополучие», поскольку онлайн-коммуникации становятся ключевыми средствами коммуникации и инструментами создания новых политических мифов. Такую ситуацию еще тридцать лет назад предвидел Э. Кассирер, отмечая «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX в. – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты» [22, с. 61]. Высокая плотность визуальных образов, транслируемых в социальных сетях с разной скоростью, разнородны-

ми потоками, что не дает увидеть целостность образа. Однако использование конструктов личного благополучия (объективный список) становится механизмом вовлеченности и сопричастности. Например, усилиями СМИ создан феномен Греты Тунберг в создании и эволюции новой структуры – климатического движения [23].

Итак, ситуация активного развития информационно-коммуникативных технологий создает новые условия для формирования концепта «политическое благополучие». С одной стороны, человек получает доступ к большому количеству информации и как «существо единичное» свободен в ее интерпретации в интересах личного блага. С другой – плотность коммуникаций создает условия для доминирования визуального контента и тогда «...цифровые трансформации можно считать тем триггером, который провоцирует изменение традиционных для доцифровой эпохи и зарождение новых политических институтов» [24, с. 89]. В этом случае «общественное благо» (воспринимаемое как свое, личное) доминирует в процессах конструирования концепта «политическое благополучие» сегодня.

Заключение

Итак, корреляция личного и общественного в процессе формирования концепта «политическое благополучие» определяется как интегральный психологический показатель жизни человека, выражающий отношение человека к своему актуальному и будущему политическому благосостоянию. Это означает, что субъективное политическое благополучие выступает составной частью, компонентом общего субъективного благополучия, что связано с большей или меньшей вовлеченностью человека в массовую политическую активность.

В концепте «политическое благополучие» рациональная составляющая понятийна, вербальна, она имеет коммуникабельный характер, способна быть передаваемой другому, восприниматься всеми субъектами. «Это коммуникативные практики публичного представления и защиты значимых общественных интересов, развития самосознания индивида, социальных сообществ, групп и общества в целом, инициирования разнообразных способов самоорганизации, вовлечения граждан в позитивную социальную практику, обеспечения активного участия граждан в проектировании индивидуального и коллективного будущего» [16, с. 98]. Однако присутствует иррациональная (эмоциональная) составляющая, суть которой в том, что она еще не рациональна, но вполне такой может стать. Вот она в условиях цифровизации политических институтов становится ведущей (доминирующей) в конструировании концепта «политическое благополучие». Долгосрочный потенциал социальных сетей в значительной степени влияет на эти процессы. Мифы «эпохи социальных сетей» побуждают нас поверить, что общественное есть личное [25]. Авторство новых мифов принадлежит «существу общественному» (к таковым можно отнести социальные сети). И тогда «...борьба за права собственной собачонки легко трансформируется в борьбу за права собак вообще и затрагивает всех владельцев собак как потенциально заинтересованных лиц» [26, с. 100].

В этой связи актуальным исследовательским направлением в дальнейшем представляется объективная теория благополучия, связанная с понятием «общественного блага» в политике. Именно данное направление исследования представляется нам перспективными для изучения концепта «политическое благополучие» в разрезе двух встречных процессов: 1) формированием новой идеологии занимается молодежь (цифровое поколение); 2) конфигурацией дисциплинарных пространств (в том числе, формированием государственной идентичности) занимается доцифровое поколение («цифровые мигранты»). Синергия этих процессов задает новые условия для понимания и

осмысления концепта «политическое благополучие». Изучение направления исследований представляются нам перспективными для дальнейшей работы в рамках изучения состояния и динамики современного российского общества, поскольку понимание того, какие механизмы лежат в основе формирования концепта «политическое благополучие», дает наглядные представления о целях общественного развития.

Проект № FSWW-2022-0008 реализован в Национальном исследовательском Томском политехническом университете по итогам отбора научных проектов, проведённых Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: ИФРАН, 2011. – 279 с.
2. Хашенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 106–127.
3. Haas В.К. Clarification and integration of similar quality of life concepts // Image: Journal of Nursing Scholarship. – 1999. – V. 31. – № 3. – P. 215–220.
4. Nikiporets-Takigawa G., Avcinova G. Political well-being: concept and research framework // Research Paradigms Transformation in Social Sciences. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2018. – V. 50. – P. 884–890. DOI: 10.15405/EPSSBS.2018.12.108
5. Монтень М. Опыты. В трех книгах. Книга первая и вторая. – М.: Наука, 1979. – 703 с.
6. Дидро Д. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Мысль, 1986. – 590 с.
7. Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 630 с.
8. Kraut R. What is good and why. The ethics of well-being. – Cambridge: Harvard University Press, 2007. – 286 p.
9. Parfit D. Reasons and persons. – New York: Oxford University Press, 1984. – 312 p.
10. Griffin J. Well-being: its meaning, measurement and moral importance. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 412 p.
11. Iosifidis P., Nicoli N. Digital democracy, social media and disinformation. – London: Routledge, 2020. – 172 p. DOI: 10.4324/9780429318481
12. Пугачев В.П. Информационная власть и демократия // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 65–77.
13. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Социология: хрестоматия для вузов. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2004. – С. 135–167.
14. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13–22.
15. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 11–24.
16. Лукьянова Н.А. Рациональность и иррациональность коммуникативно-визуальных практик в дискурсах власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2010. – № 1 (123). – С. 76–85.
17. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политика». – 2012. – № 3 (19). – С. 5–13.
18. Riesman D. The lonely crowd: a study of the changing American character. – New Haven (CT): Yale univ. press, 1963. – 386 p.
19. Storey J. An introductory guide to cultural theory and popular culture. – New York; London: The University of Georgia, 1993. – 238 p.
20. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.
21. Резник Ю.М. В поисках новой гражданской общественности // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 106–112.
22. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
23. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Серия 7 «Философия». – 1990. – № 2. – С. 58–65.
24. Diaz-Pérez S., Soler-i-Martí R., Ferrer-Fons M. From the global myth to local mobilization: Creation and resonance of Greta Thunberg's frame // Comunicar. – 2021. – № 29 (68). – P. 1–11. DOI: 10.3916/C68-2021-03

25. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. – 2022. – № 19 (1). – С. 84–103. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84.
26. Couldry N. The myth of ‘us’: digital networks, political change and the production of collectivity // Information Communication and Society. – 2015. – № 18 (6). – P. 608–626. DOI: 10.1080/1369118X.2014.979216.

Поступила: 02.10.2022.

Принята после рецензирования: 15.11.2022.

UDC 316.334.3:316.653-049.2

PERSONAL VS PUBLIC IN THE CONSTRUCTION OF THE POLITICAL WELL-BEING CONCEPT

Natalia A. Lukianova,
lukianova@tpu.ru

National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

Natalia A. Lukianova, Dr. Sc., head of Department for Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University.

*The study represents the concept of political well-being as rational-emotional idea in political culture. Author assumes that construction of political well-being affects all spheres of social life. In addition, the special role of researching the idea of digitalization, which effects social-political institutions, is highlighted. The relevance of the proposed study is caused by the situation in which a new ideology is formed by the digital generation, but the generation «before the digital» is engaged in the configuration of political spaces. Such condition gives rise to a contradiction between personal and public health in the dual concept of «political well-being». **The goal:** to identify the degree of predominance of a personal good or public good in constructing the concept of «political well-being» in the context of society digitalization. **The methods** used to achieve this goal are synthesis and theoretical generalization. The article analyzes the ideas about the content of the concept of well-being, in general (from the idea of an individual good to the «theory of an objective list») and the concept of political well-being, in particular. To understand the integrity of the concept of «political well-being» it is necessary to study the category of «additional principles» in conjunction of ideological view and multidisciplinary. **Results.** The demonstrates the consequences of the influence of digital technologies on the opposition of personal and public good in the content of the concept of «political well-being». It is proved that digital communication brings to the fore the phenomenon of a visual image of public good in the formation of personal well-being, which is completed by the imagination and acquires an emotional and personal (irrational and even mythological) coloring. Based on the study, the author of the article comes to the conclusion on the dominance of the visual image of the public good in the duality of the concept of «political well-being», which creates situations of short-term loyalty and less stability in political socialization.*

Key words: political well-being, digital society, public well-being, personal well-being, political myth, digital communications.

The project no. FSWW-2022-0008 was carried out at National Research Tomsk Polytechnic University following the results of the scientific projects selection provided by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Studies (AISI).

REFERENCES

1. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. *Kontsepty politicheskoy kultury* [Concepts of political culture]. Moscow, IFRAS Publ., 2011. 279 p.
2. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being and its measurement: constructing and validating a questionnaire. *Experimental Psychology*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 106–127. In Rus.
3. Haas B.K. Clarification and integration of similar quality of life concepts. *Image: Journal of Nursing Scholarship*, 1999, vol. 31, no. 3, pp. 215–220.
4. Nikiporets-Takigawa G., Avcinova G. Political well-being: concept and research framework. *Research Paradigms Transformation in Social Sciences. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, vol. 50, pp. 884–890. DOI: 10.15405/EPSSBS.2018.12.108.

5. Monten M. *Opyty. V trekh knigakh. Kniga pervaya i vtoraya* [Experiments. In three books. Book one and two]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 703 p.
6. Didro D. *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1* [Works in two volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1986. 590 p.
7. Hegel G. *Raboty raznykh let. V dvukh tomakh. T. 2* [Works of different years. In two volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1971. 630 p.
8. Kraut R. *What is good and why. The ethics of well-being*. Cambridge, Harvard University Press, 2007. 286 p.
9. Parfit D. *Reasons and persons*. New York, Oxford University Press, 1984. 312 p.
10. Griffin J. *Well-being: its meaning, measurement and moral importance*. Oxford, Oxford University Press, 1986. 412 p.
11. Iosifidis P., Nicoli N. *Digital democracy, social media and disinformation*. London, Routledge, 2020. 172 p. DOI: 10.4324/9780429318481
12. Pugachev V.P. Informatsionnaya vlast i demokratiya [Information power and democracy]. *Social Sciences and Contemporary World*, 1999, no. 4, pp. 65–77.
13. Draker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo [Post-capitalist society]. *Sotsiologiya: khrestomatiya dlya vuzov* [Sociology: reading book for universities]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Fond «Mir» Publ., 2004. pp. 135–167.
14. Trufanova E.O. Chelovek v labirinte identichnostey [Person in labyrinth of identities]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 2, pp. 13–22.
15. Porus V.N. Ratsionalnaya kommunikatsiya kak problema epistemologii [Rational communication as a problem of epistemology]. *Kommunikativnaya ratsionalnost: etistemologicheskii podkhod* [Communicative reality: epistemological approach]. Moscow, IFRAS Publ., 2009. pp. 11–24.
16. Lukyanova N.A. Ratsionalnost i irratsionalnost kommunikativno-vizualnykh praktik v diskursakh vlasti [Rationality and irrationality of communicative-visual practices in power discourses]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series «Political Science. History. International Relations»*, 2010, no. 1 (123), pp. 76–85.
17. Shcherbinina N.G. Vizualny fenomen v politicheskoy reprezentatsii [Visual phenomenon in political representation]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2012, no. 3 (19), pp. 5–13.
18. Riesman D. *The lonely crowd: a study of the changing American character*. New Haven (CT), Yale univ. press, 1963. 386 p.
19. Storey J. *An introductory guide to cultural theory and popular culture*. New York, London, The University of Georgia, 1993. 238 p.
20. Baudrillard J. Rekviev po mass-media [Requiem for the Mass Media]. *Poetika i politika. Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk* [Poetics and politics. Almanac of the Russian-French Center for sociology and philosophy of the institute of sociology of the russian academy of sciences]. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 1999. pp. 193–226.
21. Reznik Yu.M. In search of a new civil society. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 106–112. In Rus.
22. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 324 p.
23. Kassirer E. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. *Vestnik MGU. Seriya 7 «Filosofiya»*, 1990, no. 2, pp. 58–65.
24. Díaz-Pérez S., Soler-i-Martí R., Ferrer-Fons M. From the global myth to local mobilization: Creation and resonance of Greta Thunberg’s frame. *Comunicar*, 2021, no. 29 (68), pp. 1–11. DOI: 10.3916/C68-2021-03
25. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Traditional political institutions in the context of digitalization: risks and prospects of transformation. *Discourse-P*, 2022, no. 19 (1), pp. 84–103. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84.
26. Couldry N. The myth of ‘us’: digital networks, political change and the production of collectivity. *Information Communication and Society*, 2015, no. 18 (6), pp. 608–626. DOI: 10.1080/1369118X.2014.979216.

Received: 2 October 2022.

Reviewed: 15 November 2022.